

РЕАБИЛИТАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

О. С. Головачук, А. О. Машовец

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург,

А. Д. Прошляков

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Постановка проблемы. Положения главы 18 УПК РФ «Реабилитация» не всегда согласуются с иными нормами уголовно-процессуального законодательства. Коллизионным, по мнению авторов, является указание в п. 3 ст. 133 УПК РФ в качестве реабилитирующего основания прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Если признание реабилитирующими таких оснований, как отсутствие события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), отсутствие состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ), не вызывает сомнения, то ситуация с основанием прекращения уголовного дела (уголовного преследования), указанного в п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, выглядит иначе. Реабилитация в уголовном процессе подразумевает восстановление прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещение причиненного ему вреда (п. 34 ст. 5 УПК РФ). Отказ в уголовном преследовании в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ не означает невиновности лица, не означает, что оно не совершало вменяемое ему деяние. Целесообразность реабилитации лица, уголовное преследование в отношении которого прекращено со ссылкой на п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, требует критического анализа.

Цель исследования заключается в анализе закрепленного в п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела: отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в п. 2 и 2.1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, либо отсутствие согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в п. 1 и 3–5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, и критике признания указанного основания реабилитирующим.

Задачи: 1) выявление законодательных противоречий при признании права на реабилитацию в связи с прекращением уголовного дела (уголовного преследования) по основанию п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ; 2) обоснование исключения прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по основанию п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ из числа реабилитирующих.

Методы. Основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования) были предметом многочисленных научных трудов. Однако, поскольку изучаемое правовое явление берется исключительно в контексте действующего законодательства и практики его применения, постольку теоретические построения, как правило, ограничиваются скупыми комментариями с иллюстрацией примерами из судебной практики. Полагаем, что этого недостаточно, ибо эффективность тех или иных правовых институтов надлежит оценивать в динамике их правового воздействия.

Краткие выводы. Авторами обосновывается необходимость исключения основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования), предусмотренного п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, из числа реабилитирующих оснований, влекущих право на возмещение вреда, причиненного в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием.

Ключевые слова: основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования), реабилитация, заключение суда о наличии признаков преступления, согласие Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей.

УПК РСФСР 1960 года предусматривал три реабилитирующих основания прекращения уголовного дела – отсутствие события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР), отсутствие в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР), недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РСФСР). Эти основания реабилитации закреплены и в УПК РФ: первые два – без каких-либо изменений (п. 1, 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), третье – в уточненной редакции – «непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления» (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Но, в отличие от своего предшественника, УПК РФ включил в перечень оснований возникновения права на реабилитацию прекращение уголовного преследования подозреваемого или обвиняемого в том числе и по основанию, предусмотренному п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, – отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в п. 2 и 2.1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, либо отсутствие согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в п. 1 и 3–5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ (п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ).

Классически и традиционно реабилитации подлежат лишь невиновные, в чем при отсутствии события преступления или состава преступления, а равно и при непричастности подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления сомневаться не приходится. Такой подход в теории уголовного процесса называют материальным или сущностным, и «с точки зрения материального (сущностного) подхода реабилитирующими являются только такие основания прекращения уголовного дела, которые связаны с официальной констатацией того, что обвиняемое или подозреваемое лицо на самом деле не совершало преступления» [3, с. 55–56].

Однако при принятии УПК РФ законодатель проявил иной подход к проблеме реабилитации – формальный, «когда признается незаконность уголовного преследования по формальным причинам, пусть сам факт совершения запрещенного уголовным законом деяния под сомнение не ставится» [3, с. 55–56]. «Прекращение уголовного дела в подоб-

ных случаях само по себе не является свидетельством незаконности осуществлявшегося против лица уголовного преследования; оно означает не исправление ошибки или иного нарушения закона, а отказ от дальнейшего доказывания виновности лица, несмотря на то, что основания для осуществления в отношении него уголовного преследования сохраняются» (Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 279-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Рысевой Нины Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»)

Но насколько обоснованно такое решение законодателя? Представляется, что оно довольно сомнительно, спорно, не лишено существенных недостатков и поэтому вызвало критику в юридической литературе.

В. С. Раменская, исследуя основания реабилитации, считает недопустимым наделение правом на реабилитацию граждан, перечисленных, в частности, в п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, «так как невозможность преодолеть их процессуальный иммунитет отнюдь не свидетельствует об их невиновности. Иногда иммунитет приводит к тому, что эти лица избегают уголовной ответственности при наличии доказательств их вины, а также приводит к утрате самой сути, философской основы реабилитации как инструмента установления невиновности и справедливости» [5, с. 15].

О. А. Корнеев, соглашаясь с мнением В. С. Раменской, отмечает, «что недопустимо наделение правом на реабилитацию по основаниям, перечисленным п. 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, но реально совершившего преступление, в силу действия конституционной нормы о равенстве всех перед законом и судом» [2, с. 68].

Из числа субъектов, не имеющих право на реабилитацию, предлагается исключить лиц, «указанных в п. 1, 3–5, 9 и 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, при отсутствии заключения суда о наличии признаков преступления в их действиях либо отсутствии согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в п. 1 и 3–5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ»

[6, с. 13]. «Отказ Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в даче согласия на лишение неприкосновенности Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, и (или) отказ Совета Федерации в лишении неприкосновенности данного лица не является реабилитирующим основанием, так как он не зависит от юридической оценки конкретных обстоятельств» [6, с. 112].

Стоит обратить внимание и на то, что в нормах УПК РФ, касающихся реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования, достаточно легко обнаруживаются противоречия. Часть 2 ст. 212 УПК РФ устанавливает, что в случаях прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, следователь или прокурор принимает предусмотренные главой 18 УПК РФ меры по реабилитации лица, то есть основание, предусмотренное п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, здесь почему-то не упоминается.

Г. И. Загорский и В. В. Хатуаева объясняют это тем, что если в ч. 2 ст. 212 УПК РФ четко прослеживается материальная составляющая дифференциации оснований прекращения уголовного дела, то положения ст. 133 УПК РФ демонстрируют уже формальный подход [1, с. 118].

Верховный Суд РФ косвенным образом прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в случаях, предусмотренных п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, не считает полностью реабилитирующим обстоятельством. В абз. 3 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по указанному основанию поставлено в один ряд с прекращением уголовного дела (уголовного преследования) в связи со смертью лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, в связи с не достижением лицом возраста уголовной ответственности, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в связи с примирением сторон, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием), а соответствующие ма-

териалы признаны содержащими доказательств, свидетельствующие о наличии события и состава основного преступления.

Если противоречия ст. 212 и 133 УПК РФ еще можно объяснить недостатками законодательной техники уголовно-процессуального закона (которая вообще оставляет желать много лучшего), то системный анализ УПК РФ и других федеральных законов позволяет привести более весомые аргументы в подтверждение ошибочности решения законодателя.

1. Законодатель соединил в одном п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ две совершенно различные ситуации – отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления и отсутствие согласия соответствующего органа, создав тем самым своего рода процессуальную «матрешку».

Заключение суда – это вывод о наличии или об отсутствии в действиях лица, в отношении которого применяется особый порядок производства по уголовному делу, признаков преступления (п. 111 ст. 5 УПК РФ). Сейчас оно дается Верховным Судом РФ лишь в отношении двух должностных лиц – Генерального прокурора РФ и Председателя Следственного комитета РФ (п. 2 и 21 ч. 1 ст. 448 УПК РФ). Если суд придет к выводу, что в деяниях этих лиц отсутствуют признаки преступления, то это, хотя и с некоторыми оговорками, еще можно считать отсутствием в деянии состава преступления и признать реабилитирующим основанием прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Применительно к согласию Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда РФ, квалификационной коллегии судей деятельность этих органов осуществляется вне рамок уголовного судопроизводства, поэтому они, строго говоря, не могут устанавливать обстоятельства, указанные в п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, а порой исходят из соображений нецелесообразности привлечения к уголовной ответственности того или иного лица. Совет Федерации, Государственная Дума, Конституционный Суд РФ не уполномочены устанавливать признаки состава преступления в действиях лица, на возбуждение дела в отношении которого или привлечение к уголовной ответственности которого испрашивается их согласие.

Кроме Федерального закона от 14 марта 2002 г. «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» квалификационные коллегии судей в своей деятельности обязаны руководствоваться письмом Высшей квалификационной коллегии судей от 21 июля 2010 г. № ВКК-ИП 389/10 (далее – письмо ВККС), которое принято во исполнение решения президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции по реализации рекомендаций Группы государств против коррупции (ГРЕКО), обусловленных международными обязательствами Российской Федерации в соответствии с Конвенцией Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию. Этим письмом ВККС доводятся до сведения и руководства в работе разъяснения, определяющие критерии, которыми следует руководствоваться при принятии решений по рассмотрению внесенных Председателем Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации представлений о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи либо о привлечении его в качестве обвиняемого, если уголовное дело возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления.

В соответствии с письмом ВККС квалификационная коллегия судей не дает согласие на возбуждение уголовного дела в отношении судьи также при наличии следующих оснований:

- 1) отсутствие события преступления;
- 2) отсутствие в действиях судьи признаков преступления;
- 3) истечение сроков давности уголовного преследования;
- 4) смерть судьи, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего;
- 5) отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ;
- 6) до рассмотрения представления Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации преступность и наказуемость деяния устранены новым уголовным законом;
- 7) вследствие акта об амнистии, если судья против этого письменно не возражает;

8) по ст. 305 УК РФ (вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта), если вынесенный судьей судебный акт не отменен или не изменен вышестоящей судебной инстанцией как неправосудный.

Из восьми оснований для отказа в даче согласия на уголовное преследование судьи только три (п. 1, 2 и 5 письма ВККС) уголовно-процессуальный закон считает реабилитирующими. При этом формулировка п. 2 письма ВККС – «отсутствие в действиях судьи признаков преступления» почему-то отличается от п. 2 ч. 1. ст. 24 УПК РФ, который говорит не об отсутствии признаков преступления, а об отсутствии в деянии состава преступления. Признаки преступления – это общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость (ч. 1 ст. 14 УК РФ), а состав преступления образуют его объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона.

В остальных же случаях (п. 3, 4, 6, 7 и 8 письма ВККС) квалификационная коллегия судей, отказывая в даче согласия на уголовное преследование судьи, превращает эти нереабилитирующие основания в п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – реабилитирующее основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования.

Правда, Верховный Суд РФ в решении от 2 февраля 2011 г. по делу № ГКПИ10-1615 признал, что это письмо ВККС не является нормативным актом, что, однако, не мешает квалификационным коллегиям судей им руководствоваться при разрешении вопросов, связанных с возбуждением уголовного дела и привлечением судей к уголовной ответственности.

2. Вполне естественно, что прекращение уголовного дела или уголовного преследования по реабилитирующим основаниям не требует на это согласия подозреваемого или обвиняемого. Однако в ч. 2 ст. 27 УПК РФ установлено, что прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в п. 3 и 6 ч. 1 ст. 24, ст. 25, 25.1, 28 и 28.1 УПК РФ, а также п. 3 и 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает. В таком случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке, то есть п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ оказался в одном перечне с нереабилитирующими основаниями. Кстати, Совет

Федерации и Государственная Дума неоднократно отказывали в лишении неприкосновенности членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, но случаи, когда бы лицо, в отношении которого такое решение принято, возражало против прекращения него уголовного преследования, авторам неизвестны, поскольку продолжение производства в обычном порядке вполне может привести к вынесению в отношении такого «смельчака» обвинительного приговора.

3. Пункт 5 ст. 19 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» устанавливает, что после окончания дознания или предварительного следствия дело не может быть передано в суд без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания Российской Федерации.

Если такое согласие не будет дано, то уголовное дело или уголовное преследование придется прекращать с прямой ссылкой на п. 5 ст. 19 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» из-за отсутствия каких-либо предписаний на этот случай в УПК РФ. Это основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования не является реабилитирующим. Результат совершенно парадоксальный: при дальнейшем расследовании такого уголовного дела реабилитирующее основание его прекращения в отношении члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы странным образом превратилось в нереабилитирующее. Или оно таковым и было по своей природе изначально?

4. Помимо указанных в п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, еще несколько категорий лиц не могут быть привлечены к уголовной ответственности без согласия определенных государственных органов:

– в соответствии с ч. 1 ст. 12 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» Уполномоченный обладает неприкосновенностью в течение всего срока его полномочий; без согласия Государственной Думы он не может быть привлечен к уголовной ответственности;

– Председатель Счетной палаты, заместитель Председателя Счетной палаты, аудиторы Счетной палаты не могут быть привлечены к уголовной ответственности без согласия той палаты Федерального Собрания, которая их назначила на должность в Счетную палату, а инспектор Счетной палаты при выполнении им служебных обязанностей не может быть привлечен к уголовной ответственности без согласия Коллегии Счетной палаты (ч. 1 и 3 ст. 39 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации»).

УПК РФ инспектора Счетной палаты вообще не упоминает, а о получении чье-либо согласия на привлечение к уголовной ответственности в качестве обвиняемого Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Председателя Счетной палаты, заместителя Председателя Счетной палаты, аудитора Счетной палаты ничего не говорит, ограничившись лишь предписанием о возбуждении в отношении этих лиц уголовного дела Председателем Следственного комитета РФ (п. 6 и 7 ч. 1 ст. 448 УПК РФ).

В ч. 1 ст. 39 Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации» установлено следующее правило: аудиторы Счетной палаты не могут быть задержаны, арестованы, привлечены к уголовной ответственности без согласия той палаты Федерального Собрания, которая их назначила на должность в Счетную палату. Первый прецедент лишения неприкосновенности аудитора счетной палаты уже имеется. Так, Совет Федерации, рассмотрев представление Генерального прокурора Российской Федерации о даче согласия на привлечение аудитора Счетной палаты Российской Федерации М. А. Менья в качестве обвиняемого в совершении преступления, его задержание и применение в отношении его меры пресечения в виде запрета определенных действий и сославшись на ч. 1 ст. 39 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» и ст. 193.3 Регламента Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, принял постановление от 18 ноября 2020 г. № 497-СФ об удовлетворении указанного представления.

Отсутствие согласия соответствующего государственного органа на привлечение к уголовной ответственности указанных долж-

ностных лиц должно влечь за собой прекращение их уголовного преследования. Эта ситуация аналогична с п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, но сослаться на эту норму уголовно-процессуального закона нельзя, поэтому уголовное дело или уголовное преследование придется прекращать с прямой ссылкой на нормы Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» и на Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации». Однако это не создает лицам, уголовное преследование которых прекращено в случаях, сходных с п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, права на реабилитацию [4, с. 65].

5. Лица, в отношении которых гл. 52 УПК РФ установлен особый порядок производства по уголовным делам, обладающие иммунитетом от уголовной ответственности, могут совершить деяние в соучастии с лицами, не имеющими никаких иммунитетов и привлекаемыми к ответственности на общих основаниях.

Такая скандальная ситуация возникла в 90-е гг. прошлого века с Председателем Законодательного Собрания г. Санкт-Петербурга и одновременно (в соответствии с действовавшим тогда законодательством) – членом Совета Федерации РФ Ю. А. Кравцовым, избранным в ходе следствия в соучастии в хищении государственных средств, получении взятки и подстрекательстве к совершению должностного подлога. Тем не менее уголовное дело в отношении Ю. А. Кравцова было прекращено в связи с отказом Совета Федерации в даче согласия на направление в суд уголовного дела по его обвинению (Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 14 ноября 1996 г. № 377-СФ «О представлении Генерального прокурора Российской Федерации о даче согласия на направление в суд уголовного дела по обвинению Ю. А. Кравцова – члена Совета Федерации»), а в отношении его соучастников – направлено в суд. Несмотря на специальное заявление Государственной Думы РФ по этому поводу, Ю. А. Кравцов продолжал занимать обе эти должности, а его полномочия члена Совета Федерации РФ были прекращены 31 марта 1999 г. в связи с истечением срока полномочий Председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга (Постановление

Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 31 марта 1999 г. № 120-СФ). То есть по одному событию в отношении соучастников могут быть приняты диаметрально противоположные решения: одни – реабилитированы (п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), а другие – осуждены. Нелогичность, противоречивость и несправедливость этих решений совершенно очевидна.

Прекращение уголовного дела в отношении одного из соучастников совершенного преступления по п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ при продолжении уголовного преследования в отношении остальных обвиняемых вызывает вопрос о пределах судебного разбирательства по кругу лиц.

В соответствии с ч. 1 ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению. Рассмотрение уголовного дела в отношении обвиняемого (обвиняемых) определяет пределы судебного разбирательства по кругу лиц, обвинение, предъявленное обвиняемому (обвиняемым), определяет пределы судебного разбирательства по предъявленному обвинению.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 7 Постановления от 29 апреля 1996 г. «О судебном приговоре» разъяснял, что разбирательство дела в суде производится только в отношении подсудимых, поэтому суд не должен допускать в приговоре формулировок, свидетельствующих о виновности в совершении преступления других лиц. В тех случаях, когда отдельные участники преступного деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый, освобождены от уголовной ответственности по предусмотренным в законе основаниям, суд, если это имеет значение для установления роли, степени и характера участия подсудимого в преступлении, квалификации его действий или установления других существенных обстоятельств дела, может сослаться в приговоре на роль этих лиц в деянии с обязательным указанием оснований прекращения дела. Если дело в отношении некоторых обвиняемых выделено в отдельное производство, в приговоре указывается, что преступление совершено подсудимым совместно с другими лицами, без упоминания их фамилий.

В п. 24 действующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 года «О судебном приговоре» закреплено: если дело в отношении некоторых обви-

няемых выделено в отдельное производство либо прекращено в связи со смертью, то в приговоре указывается, что преступление совершено подсудимым совместно с другими лицами, без упоминания их фамилий, но с указанием принятого в отношении их процессуального решения (например, лицо, дело в отношении которого выделено в отдельное производство). В тех случаях, когда отдельные участники преступного деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый, освобождены от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, суд может сослаться в приговоре на роль этих лиц в деянии с обязательным указанием оснований прекращения дела лишь при условии, что это имеет значение для установления роли, степени и характера участия подсудимого в преступлении, квалификации его действий или установления других существенных обстоятельств дела.

При сравнительном анализе этих двух постановлений следует обратить внимание на то, что если в Постановлении от 21 апреля 1996 года не указывалось, по какому конкретно основанию отдельные участники преступного деяния освобождены от уголовной ответственности, то в Постановлении от 29 ноября 2016 года уточняется, что основание освобождения от уголовной ответственности должно быть нереабилитирующим. Пункт 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ к таковым не относится, поэтому правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ формально не будут противоречить формулировки в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора как с указанием, так и без упоминания фамилии лица, к которому была применена эта норма уголовно-процессуального закона:

– «фамилия подсудимого или подсудимых, фамилия лица, уголовное дело в отношении которого прекращено по п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, по предварительному сговору совершили ...»;

– «фамилия соучастника или соучастников, совместно или по предварительному сговору с лицом, уголовное дело в отношении которого прекращено по п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, совершили ...».

Разрешая в этой ситуации гражданский иск, суд еще не так давно должен был руководствоваться п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 марта 1979 г. № 1 «О практике применения судами законо-

дательства о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением», в соответствии с которым в случаях, когда ущерб причинен совместными действиями подсудимого и другого лица, в отношении которого уголовное дело было прекращено по основаниям, предусмотренным в п. 2–10 ст. 5, ст. 6–10 УПК РСФСР и соответствующих статьях УПК других союзных республик, суд возлагает на подсудимого обязанность возместить материальный ущерб в полном размере и разъясняет гражданскому истцу право предъявить в порядке гражданского судопроизводства к лицам, дело в отношении которых было прекращено, иск о возмещении ущерба солидарно с осужденным. Если материальный ущерб причинен подсудимым совместно с другим лицом, в отношении которого дело было выделено в отдельное производство, суд возлагает обязанность по возмещению ущерба в полном размере на подсудимого. При вынесении в последующем обвинительного приговора в отношении лица, дело о котором было выделено в отдельное производство, суд вправе возложить на него обязанность возместить ущерб солидарно с ранее осужденным.

Стоит отметить, что в перечень оснований прекращения уголовного дела Верховный Суд СССР включал и п. 2 ст. 5 УПК РСФСР, то есть реабилитирующее основание.

В настоящее время действует Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу», в п. 25 которого содержатся следующие разъяснения:

– при определении в приговоре порядка взыскания судам следует иметь в виду, что имущественный вред, причиненный совместными действиями нескольких подсудимых, взыскивается с них солидарно, но по ходатайству потерпевшего и в его интересах суд вправе определить долевой порядок его взыскания (ст. 1080 ГК РФ);

– в случае удовлетворения гражданского иска, предъявленного к нескольким подсудимым, в резолютивной части приговора надлежит указать, какая сумма подлежит взысканию в солидарном порядке, а какая сумма с каждого из них – в долевом, в пользу кого из гражданских истцов осуществляется взыскание;

– если имущественный вред причинен подсудимым совместно с другим лицом, в отношении которого дело было выделено в отдельное производство, либо это лицо освобождено от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, то суд возлагает обязанность по его возмещению в полном объеме на подсудимого. При вынесении в дальнейшем обвинительного приговора в отношении лица, дело о котором было выделено в отдельное производство, суд вправе возложить на него обязанность возместить вред солидарно с ранее осужденным лицом, в отношении которого был удовлетворен гражданский иск.

Но исключает ли это предъявление иска в порядке гражданского судопроизводства к лицу, уголовное дело в отношении которого прекращено по п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, а его соучастники осуждены? Думается, что нет, так как в соответствии с ч. 4 ст. 61 ГПК РФ вступившие в законную силу приговор суда по уголовному делу, иные постановления суда по этому делу и постановления суда по делу об административном правонарушении обязательны для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого они вынесены, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.

В отдельном рассмотрении нуждается и возникший в судебной практике вопрос, связанный с выявлением нарушения требований п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ уже после постановления приговора и вступления его в силу. При рассмотрении в порядке надзора уголовного дела Ш. (депутата Государственной Думы) судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ все состоявшиеся по делу судебные решения отменила, дело прекратила со ссылкой в мотивировочной части на п. 6 ч. 1 ст. 24 и п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ и признала за Ш. право на реабилитацию (Определение Верховного Суда РФ от 3 мая 2006 г. № 11-Д06-27). По другому (аналогичному) уголовному делу судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ дополнительно указала: «Поскольку действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает возможности возвращения уголовного дела на новое расследование для устранения указанных нарушений, лишен возможности устранить их и суд первой инстанции, судебная коллегия считает необходимым

отменить приговор суда, а делопроизводство прекратить на основании п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ» (Определение Верховного Суда РФ от 2 ноября 2002 г. № 31-о02-40).

Такие судебные решения представляются излишне радикальными. Совершенно очевидно, что речь идет лишь о нарушении особой процедуры возбуждения уголовного дела, устранить которое еще вполне возможно, если, конечно, не имеется других обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу. Уместнее все же в этой ситуации, отменив все состоявшиеся по делу судебные решения, направить уголовное дело прокурору для устранения допущенного нарушения.

Результаты исследования. По всем косвенным, но весьма наглядным признакам, п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в части, касающейся членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы и всех судей, – это фактически нереабилитирующее основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Поэтому представляется, что законодательно вполне можно предложить внести в УПК РФ следующие изменения и дополнения:

- исключить из п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ слова «либо отсутствие согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в пунктах 1 и 3–5 части первой статьи 448 настоящего Кодекса»;

- изъятый из п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ текст сформулировать как отдельный пункт (6¹ или 7) ч. 1 ст. 24 УПК РФ, одновременно дополнив этот предлагаемый пункт указанием на Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Председателя Счетной палаты, заместителя Председателя Счетной палаты, аудиторов и инспекторов Счетной палаты.

Литература

1. Загорский, Г. И. Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: досудебное производство: курс лекций / Г. И. Загорский, В. В. Хатуева. – М.: Проспект, 2021. – 144 с.

2. Корнеев, О. А. Институт реабилитации в уголовно-процессуальном праве России: монография. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005. – 208 с.

3. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. – М.: Статут, 2016. – 1278 с.

4. Прошляков, А. Д. Уголовное дело в отношении аудитора Счетной палаты РФ Михаила Меня. Процессуальный прецедент / А. Д. Прошляков, А. О. Машовец, О. С. Головачук // Уголовный процесс. – 2021. – № 3. – С. 63–65.

5. Раменская, В. С. Институт реабилитации в уголовном процессе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / В. С. Раменская. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.

6. Татьяна, Д. В. Реабилитация в уголовном процессе России: понятие, виды, основания, процессуальный порядок: дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Татьяна. – Ижевск, 2005. – 264 с.

Головачук Ольга Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург. E-mail: persival@mail.ru.

Машовец Асия Океановна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург. E-mail: okeanovna@me.com.

Прошляков Алексей Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: dm-prosh@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 21 сентября 2021 г.

DOI: 10.14529/law220103

REHABILITATION IN CRIMINAL PROCEDURE: A CRITICAL ANALYSIS

O. S. Golovachuk, A. O. Mashovets

Ural State Law University, Ekaterinburg, Russian Federation,

A. D. Proshlyakov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Formulation of the problem. The provisions of Chapter 18 “Rehabilitation” of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are not always consistent with other provisions of the criminal procedure laws. The authors believe that stating (in clause 3, Art. 133 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) a termination of a criminal case (criminal prosecution) under clause 6, Part 1, Art. 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as the grounds for rehabilitation is conflicting. If such grounds as the absence of a criminal act (clause 1, Part 1, Art. 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), the absence of the elements of a criminal offence (clause 2, Part 1, Art. 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), non-involvement of the suspect or accused in committing a crime (clause 1, Part 1, Art. 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) are recognized as the grounds for rehabilitation beyond doubt, the situation when the termination of a criminal case (criminal prosecution) specified in clause 6, Part 1, Art. 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is stated as the grounds for rehabilitation looks different. Rehabilitation in criminal proceedings implies the restoration of the rights and freedoms of a person who has been unlawfully or unreasonably subjected to criminal prosecution, as well as compensation for harm caused to this person (clause 34, Art. 5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). Refusal to prosecute under the provisions of clause 6, Part 1, Art. 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not mean the person’s innocence, nor that a person did not commit the alleged offence. The advisability of the rehabilitation of a person whose criminal prosecution was terminated with reference to clause 6, Part 1, Art. 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation requires critical analysis.

The purpose of the study is to analyze the grounds for refusing to initiate a criminal case or terminating a criminal case set forth in clause 6, Part 1, Art. 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the absence of the court's findings regarding the presence of the evidence of a crime in the actions of one of the persons specified in clauses 2 and 2.1, Part One, Art. 448 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, or the lack of consent of the Federation Council, the State Duma, the Constitutional Court of the Russian Federation, or the qualification board of judges (respectively) to initiate a criminal case or to charge one of the persons specified in clauses 1 and 3 - 5, Part One, Art. 448 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as to challenge recognizing these grounds as the grounds for rehabilitation.

Objectives: 1) to identify legislative contradictions in recognizing the right for rehabilitation in connection with the termination of a criminal case (criminal prosecution) pursuant to clause 6, Part 1, Art. 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; 2) to substantiate the exclusion of the termination of a criminal case (criminal prosecution) pursuant to clause 6, Part 1, Art. 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation from the grounds for rehabilitation.

Methods. The grounds for terminating a criminal case (criminal prosecution) have been the subject of multiple research papers. However, to the extent that the legal phenomenon under examination is taken exclusively in the context of the current laws and the practice of the application thereof, theoretical constructions, as a rule, are limited to scant comments illustrated with examples from judicial and investigative practice. The authors believe that this is not sufficient, since the effectiveness of certain legal institutions should be assessed based on the dynamics of their legal impact.

Brief conclusions. The authors substantiate the need to exclude the grounds for terminating a criminal case (criminal prosecution) provided for in clause 6 of Part 1 of Art. 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, from among the rehabilitating grounds entailing the right to compensation for harm caused in connection with illegal or unjustified criminal prosecution.

Keywords: grounds for termination of a criminal case (criminal prosecution), rehabilitation, court opinion on the presence of signs of a crime, consent of the Federation Council, the State Duma, the Constitutional Court of the Russian Federation, the qualification board of judges.

References

1. Zagorskij G. I., Hatuaeva V. V. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki ugolovnoy processa: dosudebnoye proizvodstvo* [Actual problems of theory and practice of criminal procedure: pre-trial proceedings]. Moscow, 2021, 144 p.
2. Korneev O. A. *Institut rehabilitacii v ugolovno-processual'nom prave Rossii* [Institute of Rehabilitation in Criminal Procedure Law of Russia]. Čelâbinsk, 2005, 208 p.
3. Golovko L. V. *Kurs ugolovnoy processa* [The course of the criminal process]. Moscow, 2016, 1278 p.
4. Prošlâkov A. D., Mašovec A. O., Golovačuk O. S. [Criminal case against the auditor of the Accounts Chamber of the Russian Federation Mikhail Me. Procedural precedent]. *Ugolovnyj process [Criminal proceedings]*, 2021, no. 3, pp. 63–65. (in Russ.)
5. Ramenskaâ V. S. *Institut rehabilitacii v ugolovnom processe: avtoreferat dis. ... kand. ũrid. nauk* [Institute of Rehabilitation in Criminal proceedings. Author's abstract]. Ekaterinburg, 2004, 22 p.
6. Tat'ânin D. V. *Rehabilitaciâ v ugolovnom processe Rossii: ponâtie, vidy, osnovaniâ, processual'nyj porâdok: dis. ... kand. ũrid. nauk* [Rehabilitation in the criminal process of Russia: concept, types, grounds, procedural order. Diss. Kand. (Law)]. Iževsk, 2005, 264 p.

Olga Sergeevna Golovachuk – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: persival@mail.ru.

Asiia Okeanovna Mashovets – Doctor of Sciences (Law), Assistant Professor, Professor of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: okeanovna@me.com.

Alexey Dmitrievich Proshlyakov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Science, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: dm-prosh@mail.ru.

Received 21 September 2021.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Головачук, О. С. Реабилитация в уголовном процессе: критический анализ / О. С. Головачук, А. О. Машовец, А. Д. Прошляков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 19–29. DOI: 10.14529/law220103.

FOR CITATION

Golovachuk O. S., Mashovets A. O., Proshlyakov A. D. Rehabilitation in criminal procedure: a critical analysis. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 19–29. (in Russ.) DOI: 10.14529/law220103.
